

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

УДК 323.4

ВИТАЛИЙ ЧЕРНЫЙ,

доктор философских наук, профессор, начальник кафедры морально-психологического обеспечения деятельности войск (сил) Гуманитарного института Национального университета обороны Украины имени Ивана Черняховского, Киев

Украинское общество на современном этапе: вызовы и угрозы

Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и совершенное состояние с точки зрения усложнения структуры. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию.

А.Дж.Тойнби “Постижение истории”

Современная Украина переживает сложный и ответственный этап своего развития, обусловленный нарастанием кризисных явлений во всех сферах общества, возникновением новых угроз и вызовов национальной безопасности нашего государства, на что необходимо давать эффективные ответы. Среди многих проблем, порожденных динамизмом современной эпохи, особое место занимает российская экспансионистская политика, кардинально изменившая военно-политическую обстановку в мире. Российская Федерация впервые после Второй мировой войны поставила под сомнение устойчивость границ между государствами, осуществив аннексию Крыма и оккупацию восточных территорий Украины. Указанные факторы требуют новых подходов к реформированию военной сферы украинского общества, что невозможно без его глубокой модернизации. Разумеется, и одно, и другое нуждаются в детальной теоретической проработке. Однако, как отмечает Н.Михальченко, “в Украине огонек теоретической мысли в сфере общественных наук едва тлеет” [Михальченко, 2001: с. 8]. Именно поэтому важ-

ное значение приобретают исследования направлений модернизации украинского общества, в частности реформирования и развития его военной сферы. Таких работ, уверен исследователь, очень мало, а те, что есть, обычно неадекватно отражают сущностные характеристики украинского общества и происходящие в нем процессы (подр. см.: [Михальченко, 2001: с. 8]).

По мнению современного немецкого философа В.Хёсле, необходимой теоретической предпосылкой исследования развивающихся стран является философская рефлексия в отношении их сути и генезиса. Чтобы понять и осознать суть явлений, связанных с этой “сложной реальностью”, каковой, по мнению В.Хёсле, являются “развивающиеся страны”, необходимо рассмотреть содержание этого понятия. При этом, отмечает немецкий мыслитель, возникает вопрос: “почему эта реальность является философской проблемой?” Нетрудно убедиться в том, продолжает он, “что экономисты, социологи, политологи, антропологи и (все чаще) представители естествознания, а особенно географы и биологи, изучающие экологию, соприкасаются с этой реальностью” [Гёсле, 2003: с. 145]. А как насчет философов? На самом деле, отмечает В.Хёсле, “большинство современных философов эту проблему игнорирует, предпочитая разработку утонченных теорий, не имеющих ни малейшего отношения к осознанию мира, в котором мы живем. Безусловно, этот упрек еще не аргумент; пожалуй, это уже фатум философии как можно меньше говорить о современном мире, мире, который в действительности гораздо сложнее, чем мир всех прежних культур” [Гёсле, 2003: с. 146]. Впрочем, резюмирует немецкий мыслитель, “тот факт, что мы подняли первый вопрос, частично является ответом и на второй, ведь прояснение понятий — это классическая задача философии” [Гёсле, 2003: с. 146]. Вместе с тем, если предположить, что вышеупомянутое понятие имманентно содержит нормативные коннотации, то чем тщательнее мы будем искать четкий ответ на нормативный вопрос, что нужно делать, чтобы решить такую сложную с этической и политической точки зрения проблему, тем больше будем нуждаться в философии (см.: [Гёсле, 2003: с. 146]).

Попытки осознать суть украинского общества в нашем государстве предпринимаются с момента провозглашения его независимости. Однако адекватных ответов со стороны социальной философии и социальных наук в целом на встающие перед Украиной вызовы все еще не сформулировано. Это происходит из-за того, что, во-первых, украинским ученым присущи недостатки общего характера, на которые указывает В.Хёсле. А во-вторых, ошибка украинских ученых заключается в том, что, характеризуя Украину времен безгосударственного прошлого, они используют признаки, касающиеся ее опосредованно. А это приводит к ошибочным рекомендациям в отношении этапов и путей модернизации украинского общества, а также к заимствованию опыта стран, который на современном этапе практически невозможно реализовать в Украине. Если, скажем, применить к украинскому государству такой признак, как “посттоталитарное”, то его можно ставить в один ряд с Испанией, Италией, Германией, Португалией, Японией и др. Если же использовать “посткоммунистическое”, “постсоциалистическое”, “постсоветское” определение, то Украину можно сравнивать с Российской Федерацией, Сербией, Чехией или Венгрией.

Очевидно, что в обоих случаях сравнения некорректны, поскольку до 1991-го Украина была составной частью государства, которое характеризо-

валось определенной совокупностью признаков — таких как “советское”, “коммунистическое”, “социалистическое”, “тоталитарное” и т.п., и, будучи империей, имело статус метрополии по отношению к Украине. Исходя из того, что эти признаки формировались за пределами Украины и касались ее опосредованно, использовать их в качестве основных для характеристики прошлого государства, которое в то время не имело суверенитета, по нашему мнению, нецелесообразно¹. Например, если бы бывшие колонии отдельных стран западной демократии, то есть преимущественно азиатские и африканские государства, называли себя “постдемократическими”, это вызвало бы нескрываемое удивление.

Поэтому после достижения политической независимости признаки, свойственные метрополии, не могут автоматически переходить к числу характеристик новообразованной страны. Здесь на первый план должны выйти признаки, которые бы адекватно отражали статус государства (общества) как до, так и после провозглашения независимости.

Учитывая то, что до декабря 1991 года Украина находилась в колониальной зависимости от России (Российской империи и Советского Союза²), то есть имела статус колонии, то после провозглашения независимости она стала постколониальным государством, а общество — постколониальным. В то же время к данному типу стран применяют и такие традиционные понятия, как “новые независимые государства” и “транзитивные страны (общества)”. Уже упоминавшийся В.Хёсле использует и такие понятия, как “развивающиеся страны” и несколько устаревшее — “страны третьего мира”. Что касается последнего, он осознает, что с распадом Варшавского пакта понятие “третий мир” утратило смысл; вместо этого “осталось всего два мира — мир богатых и мир бедных”. Поэтому, по его мнению, “насущный вопрос ближайшего времени будет заключаться в том, будут ли восточноевропейские страны и бывшие страны Советского Союза принадлежать к первому или к — все еще так называемому — третьему миру, который соответственно и должен был бы называться “вторым миром”” [Гёсле, 2003: с. 145].

Использование приведенных выше понятий кардинально меняет ситуацию, поскольку дает современной Украине четкую характеристику, отталкиваясь от которой можно строить перспективные планы по модернизации украинского общества, реформированию его различных сфер, в частности военной, и поиску ответов на вызовы, встающие перед нашим государством в период суверенного существования. Вместе с тем открываются широкие возможности для обращения к общественно-исторической практике новых независимых государств (которых свыше 100) для заимствования положительного опыта государственного и военного строительства и избежания их ошибок на этом пути.

Новые независимые государства являются сложной реальностью, связанной с особенностями их генезиса. Постколониальное общество — это

¹ Хёсле, комментируя эту ситуацию, отмечает, что империи вторглись в культуры аборигенов и, “нарушив их естественное развитие, навязали им внутреннюю асинхронию, лишив их прежнего органического единства...” [Гёсле, 2003: с. 165].

² См.: Голенков, А. (2010). *Империя СССР. Народная сверхдержава*. Москва: Эксмо: Алгоритм.

особый тип общества. Это фактически антипод “гражданского общества”, возникшего на определенном этапе исторического развития западной цивилизации. Предпосылками развития гражданского общества служат рыночная экономика с присущим ей многообразием форм собственности, множественность независимых политических сил и партий, недирективно сформированное общественное мнение и, самое главное, свободная личность с развитым чувством собственного достоинства [Рябов, 1996: с. 79]. Кроме того, гражданское общество — это не только эмансипированное от государства общество, это еще и четко структурированное общество.

В обществах новых независимых государств перечисленные выше качества отсутствуют вообще или находятся в зачаточном состоянии. В этих странах принимаются новые законы и конституции, получают власть ранее запрещенные организации, партии и движения, устанавливаются социально-экономические и политические правила поведения и т.п. Иначе говоря, происходит закрепление норм и требований, которые в будущем могут стать основаниями для создания демократического правового государства. Общественно-политическая жизнь в самостоятельной форме только налаживается. Все находится в процессе становления, перехода, поисков и изменений.

Неструктурированность, наличие архаических наслоений и прочие беды, присущие постколониальным обществам, отрицательно сказываются на взаимодействии социальных институтов с социальной средой. Как известно, почвой взаимодействия социального института с социальной средой является реализация главной функции социального института — удовлетворения конкретных социальных потребностей. Однако социально-политические процессы в новых независимых государствах столь динамичны, что нередко возникает ситуация, когда актуальные социальные потребности не находят адекватной реакции в структурах и функциях соответствующих социальных институтов, которые, кстати, тоже находятся на стадии формирования. Последствиями подобного несоответствия в деятельности того или иного социального института оказываются так называемые дисфункции. Эти явления проявляются и во внешней сфере — так сказать, формальной (организационной), и в самом содержании их деятельности.

Признаками внешних дисфункций социальных институтов постколониальных государств являются отсутствие подготовленных кадров и материально-технических средств, организационный беспорядок и т.п. С содержательной точки зрения, дисфункции социальных институтов таких стран проявляются в неопределенности цели и функций их существования, в связи с чем снижается их социальный престиж и авторитет, подвергается сомнению легитимность и т.п.

Чрезвычайно распространенный изъян социальных институтов постколониальных стран связан с принципом деперсонализации, то есть обеспечение функций социального института не зависит от субъективных характеристик отдельных людей, выполняющих возложенные на них задачи. Институт перестает действовать в соответствии с потребностями общества и предполагаемой целью, изменяя свои функции в зависимости от интересов отдельных лиц, их персональных качеств и свойств [Черный, 2006: с. 58].

Постепенно социальный институт все меньше ориентируется на достижение главной цели своего существования — обеспечение конкретных социальных потребностей. В итоге не удовлетворенные вследствие дисфунк-

ций социальных институтов социальные потребности вызывают к жизни нормативно не урегулированные разновидности деятельности, призванные компенсировать дисфункции легитимных институтов, но уже за счет нарушения действующих социальных норм (включая правовые). Например, дисфункции отдельных экономических и правоохранительных институтов стимулируют такие распространенные в постколониальных странах социальные явления, как коррупция, взяточничество, казнокрадство, клановость (семейная или региональная), кумовство, протекционизм по признаку этнического происхождения, конфессиональной принадлежности, кровного родства или землячества и т.п.

Среди прочих характеристик общественно-политического развития новых независимых государств следует выделить несколько: чрезвычайно большая роль исполнительной власти; слабость оппозиции, обычно представляющей интересы устраненных от власти промышленно-финансовых кланов; значительная зависимость партий, общественных организаций и профсоюзов от государства и бизнеса; относительная социальная пассивность широких слоев населения; отсутствие или слабость политических организаций основных слоев общества; существенная роль отдельных личностей на ключевых партийно-государственных должностях; неразвитость электронных средств массовой информации, обычно монополизированных господствующей верхушкой и приближенными к ней нуворишами, капитал которых имеет преимущественно уголовное происхождение; огромная зависимость государства от международных финансовых организаций и бывшей метрополии и т.п.

В таких условиях доминирующей силой государства оказываются представители того слоя, который имеет относительную автономию от всех укладов, то есть бюрократии — гражданской и/или военной [Симония, 1984: с. 277]. Со временем именно эта социальная группа берет на себя ответственность за происходящее в новом независимом государстве и за перспективы его дальнейшего развития. По нашему мнению, это и есть начало реальной модернизации постколониальных обществ и главный признак необратимости суверенного развития новообразованных государств¹. Для обоснования приведенного тезиса рассмотрим наиболее типичные случаи из истории развития постколониальных стран разных континентов.

Начнем с Европы. Весьма наглядный в этом смысле опыт нашей соседки Польши². После провозглашения независимости в 1918-м в результате распада Российской империи в новообразованном государстве начался глубокий социально-политический кризис. В поисках выхода из него Учредительный сейм в 1921 году принял вторую по счету Конституцию, имевшую либерально-демократический характер.

В новом Основном законе провозглашалось, что верховная власть в государстве принадлежит народу, который реализует ее через сейм и сенат, из-

¹ Исторической практике человечества известны исключения из этой закономерности. В частности, установление авторитарных режимов, преимущественно военной окраски, не спасло бывшие колонии Российской империи (Эстония, Латвия, Литва) от потери независимости в конце 40-х годов прошлого века [Ротшильд, 2001: с. 444–459].

² На опыт Польши любят ссылаться отдельные украинские “реформаторы”, не осознавая до конца, в чем заключается его истинная суть.

бираемые на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования. Избирательные права для избрания сейма предоставлялись всем гражданам, кроме военнослужащих. Сейм и сенат, действуя как национальные собрания, выбирали президента, который вместе с ответственным перед палатами правительством осуществлял исполнительную власть. Государственным языком признавался польский, а государственной религией — римо-католическая. Согласно конкордату, заключенному с Папой Римским в 1925-м, вводилось обязательное изучение религии в школах и религиозное воспитание в вооруженных силах. Гарантировались и другие либерально-демократические свободы.

Однако принятие новой конституции не дало желаемых результатов — социально-экономическое положение Польши продолжало ухудшаться. Неудачными оказались меры по защите отечественного производства, которое в новых условиях не выдерживало конкуренции с иностранными товарами. В поисках выхода из кризисной ситуации правительство заключало все новые и новые соглашения на финансовые займы за рубежом, но это не способствовало положительным изменениям, а лишь увеличивало внешний долг государства, поскольку полученные средства обычно разворовывались и банально проедались.

Социально-экономическое положение Польши становилось все более тяжелым. Курс злотого неуклонно падал. Внешними признаками дисфункций государственных институтов были разгул взяточничества, коррупции и казнокрадства, непрерывные правительственные кризисы, постоянные распри различных политических группировок в стенах парламента и за его пределами (см., в частности: [Манусевич, 1954]).

Решающую роль в спасении Польши от хаоса и возможного распада и потери независимости сыграли военные. В середине мая 1926 года они осуществили военный переворот, поддержанный широкими слоями населения, которое долгое время стремилось к наведению твердого порядка, а силой, способной на это, считало армию. После смены власти в экономике страны наступила определенная стабилизация. Займы, полученные от иностранных государств, помогли военному режиму укрепить свое положение. В августе 1926-го было осуществлено частичное изменение конституции; новая редакция расширяла власть президента и ограничивала права законодательных органов. Свое существование военный режим прекратил в 1939-м вместе с польским государством, которое было разделено между Германией и Советским Союзом.

Не менее интересен и поучителен общественно-исторический опыт Пакистана, образовавшегося на обломках Британской империи. Пакистанская армия, которая раньше была частью бывшей британской, в начале государственного строительства оставалась верной традициям преданности и полного подчинения гражданской власти. Однако сложившаяся в стране ситуация подталкивала ее к решительным действиям. Так, в частности, за семь лет — с 1951-го по 1958-й — сменилось семь правительств. Мелкие парламентские партии были не в состоянии решить ни одной серьезной проблемы. На фоне неуклонной деградации социально-экономической и политической жизни, роста коррупции, взяточничества, протекционизма, грызни политиканов и т.п. только армия выгодно выделялась монолитностью и непричастностью к скандалам и распрям.

Когда военные окончательно убедились, что парламентский псевдodemократический режим полностью себя исчерпал, заведя страну в тупик, а недовольный народ грозил социальным взрывом, они решительно пошли на замену этого режима другим, не представительским, но способным предотвратить социальную катастрофу и разрушение государства в целом. В октябре 1958 года в Пакистане произошел военный переворот, о котором позже один из его активных участников, генерал Муким-хан писал: “Армия была уверена в том, что как только общественность узнает, что она взяла на себя контроль, с беззаконием будет покончено. Пакистанцы уважают твердые действия, если они осуществляются честно и беспристрастно” [Muguet F. Khan, 1963: p. 184]. В этом была большая доля правды, что и подтвердили независимые аналитики. В частности, американский социолог Дж.Миттельмен, положительно оценивая деятельность первого военного режима в Пакистане, отмечал, что в период правления генералов М.Айюб-хана и М.Яхья-хана в государстве наблюдался определенный экономический рост.

О том, что проблемы постколониальных стран в общих чертах универсальны независимо от географического расположения, ценностей, культуры, традиций и менталитета, свидетельствует новейшая история Нигерии. В новогоднюю ночь 1984 года военные в очередной раз вернулись к власти. Журнал “Foreign Affairs” так прокомментировал это событие: “Гражданское руководство, действуя грубо и беспардонно, не справилось с хозяйственными проблемами и значительно увеличило бремя, которое легло на плечи населения вследствие мирового экономического спада. Падение доходов от нефти привело к резкому сокращению импорта, особенно потребительских товаров и сырья для промышленности. В результате этого заводы работали не на полную мощность, десятки тысяч людей остались без работы... цены на основные продукты питания и товары широкого потребления стремительно росли...” [Мирский, 1989: с. 123].

Вторую причину составляли коррупция, взяточничество и протекционизм, достигшие гипертрофических размеров. Один за другим в государстве вспыхивали скандалы: то бесследно исчезали миллионы найр¹, выделенные на импортные лицензии, то со складов Национальной компании по снабжению “испарялись” стройматериалы на миллионные суммы, то вдруг выяснилось, что чиновники государственного органа, обсуждавшие вопросы продолжения монопольного контракта со швейцарской фирмой, получили огромные взятки, то оказалось, что почти 50 млн найр ежемесячно шли на оплату “мертвых душ”, то есть работников, существовавших только на бумаге, то загадочные пожары уничтожали учреждения, “прогремевшие” на всю страну в связи с выявленными злоупотреблениями, при этом все бумаги и доказательства сгорали дотла.

По неофициальным подсчетам западных дипломатов и экономистов, высшие чиновники второй республики вывезли в офшорные зоны несметные богатства — всего на сумму от 5 до 7 млрд долларов. Такое бессовестное обогащение господствующей элиты на фоне экономического обнищания подавляющего большинства населения провоцировало его недовольство, которое постоянно нарастало.

¹ Найра — денежная единица Нигерии.

В 1983-м во многих провинциях страны прошли забастовки учителей, которым почти по полгода не выплачивали зарплаты. По той же причине бастовали государственные служащие. В некоторых районах больше года были закрыты школы. В больницах отсутствовали лекарства, участились перебои с водоснабжением и электроэнергией. Все активнее выражали недовольство профсоюзы. В этом же году прошли выборы, о которых откровенно говорили, что они были сфальсифицированы партией власти. После обнародования их результатов вспыхнули волнения, вследствие которых более ста человек погибли, а материальные убытки достигли 100 млн долларов. Стало ясно, что экономика находится на грани краха, уровень жизни также достиг критической отметки. Как писал журнал “West Africa”, настроения в обществе были таковы, что, дескать, “кто угодно, лишь бы не эти продажные политиканы” [Мирский, 1989: с. 137]. Почва для переворота созрела на сто процентов, и военные четко ощутили настроения общества.

Переворот осуществила группа офицеров во главе с генералом М.Бухари, который в новогоднем обращении к народу заявил: “Коррупцированное, бессильное и безответственное руководство... стало источником аморального и неприличного поведения, распространившегося в нашем обществе. Соотечественники нигерийцы, по велению совести мы наконец вмешались, чтобы спасти это государство от неминуемого краха” (цит. по: [Мирский, 1989: с. 144]).

Общество встретило военный переворот с энтузиазмом, поскольку глубоко разочаровалось в правлении гражданских политиков и прониклось отвращением к псевдемократии, господствовавшей в обществе. И первые шаги военного правительства оправдали чаяния нации: были “вычищены” многие высшие чиновники госаппарата, полиции и таможи; введены новые порядки выдачи лицензий на импорт; строго контролировалась и направлялась в наиболее нуждающиеся отрасли экономики иностранная валюта, началась широкая кампания за трудовую дисциплину, честное и добросовестное отношение к труду.

Таким образом, как видно из типичных примеров отдельных постколониальных стран разных континентов, военные ограничили интересы компраторской буржуазии и гражданского бюрократического аппарата, заинтересованных в создании выгодной для них системы представительской, парламентской демократии “западного типа”. Но, как свидетельствует общественно-историческая практика, то, что укоренилось в развитых странах мира, не сразу приживается в постколониальных государствах, переживающих болезненный процесс первоначального накопления капитала, политической институционализации и социальной стратификации. Демократические процедуры — да и то не все — возможны лишь на определенном этапе их развития.

Незаинтересованность в поступательном и систематическом развитии отечественной экономики, рассчитанном на длительную перспективу, стремление “загрэбать горячие деньги”, жить одним днем по принципу “после нас хоть потоп” неминуемо приводят к тому, что начинают преобладать конъюнктурные интересы, возникает склонность “хитрить” и урывать как можно быстрее и как можно больше, что только можно и где только можно. Именно в таких условиях в развивающихся странах открываются невидан-

ные возможности для злоупотреблений, вездесущей коррупции, казнокрадства, взяточничества, протекционизма и т.п.¹

Со временем такое поведение переносится с экономической сферы в политическую, которая отныне рассматривается как важнейший фактор легализации, сохранения и приумножения богатства, нажитого “непосильным трудом”, получения разнообразных преференций и иммунитета от уголовных преследований. Происходит противоестественное объединение политики и бизнеса, граница между которыми полностью стирается. В таких условиях в постколониальных странах нередко возникает ситуация, при которой отстранение от власти коррумпированной верхушки, бесстыдно подтасовывающей результаты выборов, устраняя любым путем политических конкурентов, демократическим путем практически невозможно, поскольку властная верхушка овладела методами политического мошенничества не хуже, чем финансовыми махинациями. Из этого тупика возможны лишь два выхода: либо стихийные волнения люмпенизированных слоев общества с непредсказуемыми последствиями², либо военный переворот, являющийся естественным и логичным, а в большинстве случаев даже единственным выходом из сложившейся ситуации³.

В постколониальных странах, возникающих в условиях относительно мирного (“бархатного”) распада империй, трансформация обществ может происходить двумя способами через: скачкообразную, качественную смену политической системы, то есть радикальными методами; или через постепенное превращение колониальной власти в национальную под давлением внешних и внутренних факторов.

Анализ общественно-политической и социально-экономической ситуации в Украине в контексте общественно-исторического развития постколониальных государств свидетельствует, что процесс реальной модернизации украинского общества неоправданно затянулся (см., в частности: [Каспрук, 1997]). Как отмечает Н. Михальченко, программа рыночных преобразований в Украине в период ее независимого существования велась бессистемно и непоследовательно. Концепция резкого, стремительного ослабления роли государства во время модернизации украинского общества, сужение ее исключительно к разработке “правил игры” оказалась ошибочной [Михальченко, 2001: с. 138]. Все это происходило на фоне борьбы региональных, семейно-клановых группировок за доступ к контролю над материальными ресурса-

¹ Хёсле по этому поводу отмечает: “Новые элиты были, а зачастую и остаются коррумпированными; в основном они идентифицируют себя с западным образом жизни, а чтобы иметь возможность его поддерживать, любыми путями обогащаются. Внутренняя асинхрония развивающихся стран является главной причиной коррупции — свидетельства того, что мораль “закона и порядка” в основном здесь еще не прижилась, хотя господствующая верхушка уже ощутила вкус современного уровня богатства” [Гёсле, 2003: с. 163].

² Как свидетельствует общественно-исторический опыт, этого боится не только господствующая верхушка, но и средний класс и связанный с ними офицерский корпус.

³ Из более чем 100 новых независимых государств в семидесяти произошли военные перевороты, в некоторых из них десятки раз. А, например, в Боливии, со времени провозглашения независимости в 1825 году, было предпринято около 200 военно-политических интервенций. То есть больше одного переворота в год.

ми, финансовыми потоками и госбюджетом в целом. Обострение указанной борьбы периодически приводило к кланово-олигархическим переворотам, то есть насильственной смене региональных, семейно-клановых группировок при власти, которые маскировались под социальные революции.

А наиболее характерной особенностью украинской власти с момента провозглашения независимости является полнейшее отсутствие стремления к реальному обновлению. Однако именно способность к обновлению, как считает Ф.Фукуяма, служит источником величия любого государства (см.: [Фукуяма, 2003]).

Ситуация неопределенности с формой государственного правления означает лишь одно — отсутствие отработанного механизма удержания и передачи власти со стороны господствующей верхушки, неурегулированность ее статуса и легитимности существования. Отсюда и отсутствие политической воли к началу настоящих реформ и промедление с любыми радикальными преобразованиями во всех сферах общества (см., в частности: [Каспрук, 1997]). И это происходит даже в условиях, когда необходимо давать ответы на опасные внешние и внутренние вызовы.

Вследствие этого реальные шаги по модернизации украинского общества подменяются их имитацией, а то и вообще дискредитируются социальным популизмом, связанным с перманентными выборами и желанием любой ценой удержаться при власти. Как здесь не вспомнить У.Черчилля, который считал, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующие поколения. Очевидно, что это более чем справедливо для нашего государства, где реальные преобразования, учитывая конец третьего десятилетия ее независимого существования, так и не начались.

Указанные факторы постоянно генерируют дисфункции социальных институтов украинского общества, еще больше углубляющих социальный кризис в государстве. А это, в свою очередь, несет в себе потенциальную угрозу социальной дезорганизации, следствием которой могут быть либо военно-политическая интервенция с целью предотвращения социальной катастрофы, либо потеря политического суверенитета еще над какой-либо частью украинской территории или страной в целом ¹.

Известный украинский политик и экономист В.Суслов, характеризуюя украинское государство в течение последних десятилетий его суверенного существования, отмечает, что “по Конституции Украина — социальное государство, а по реальной сущности — кланово-олигархическое. Поэтому вся эта трогательная забота о богатеях в нынешней системе власти неслучайна”. “У нас есть независимые профсоюзы? — спрашивает он далее и отвечает. — Нет, они ничьих прав не отстаивают. У нас есть партии идеологического типа, основывающиеся на отстаивании определенных идей? Нет, у нас есть бизнес-партии. Независимые суды, если и бывают, то крайне редко. Мы постепенно двигаемся к серьезному социальному потрясению, социальному сопротивлению снизу, который практически неминуем, поскольку власть сама себя ограничить не в состоянии” (цит. по: [Присяжнюк, 2011]).

¹ Частично наши прогнозы оправдались в 2014-м, когда Украина утратила контроль над Крымом и частью Донецкой и Луганской областей (см.: [Чорний, 2011]).

Следующим вызовом Украине на современном этапе стала российско-украинская война. Эту войну можно охарактеризовать как “отложенную”. В подавляющем большинстве случаев метрополии сопротивляются распаду, пытаются силой оружия удержать умирающие империи. В этом ряду не является исключением и Россия (Российская Империя—Советский Союз—Российская Федерация). После надлома и первого этапа распада в 1917-м, вследствие чего образовалось около 12 новых независимых государств, Советская Россия воевала почти с каждой из них. В ряде случаев она потерпела поражение и вынуждена была признать независимость бывших колоний (таких как Финляндия, Польша, страны Балтии) [Гессен, 1926]. Украине же, которая в борьбе за независимость в течение 1917–1921 годов, по подсчетам В.Савченко, потеряла более 3,5 млн людей, не удалось сохранить суверенитет¹ [Савченко, 2006: с. 4].

В 1991-м произошел второй этап распада империи, который под действием объективных и субъективных факторов оказался “бархатным”. В итоге образовалось 14 новых независимых государств. Учитывая то, что Советский Союз был ослаблен так называемой Холодной войной и скоротечными процессами дезинтеграции, он, за незначительными исключениями, не смог силой оружия сопротивляться распаду. Именно поэтому колониальные войны 90-х годов прошлого века были “отложены” на будущее (2008-й — Грузия, 2014-й — Украина). При этом уместно напомнить, что из 12-ти новых независимых государств, образовавшихся на обломках Российской империи в 1917–1918 годах, к 1991-му полностью политически независимой осталось только одно — Финляндия, которая выдержала и фактически победила в трех советско-финских колониальных войнах (1918, 1920, 1939 годов). Польша же с помощью остатков украинской армии² победила только в первой советско-польской войне (1920 года). Во второй войне, которая началась 17 сентября 1939-го, она потерпела сокрушительное поражение, была расчленена и с 1945 года фактически до распада Советского Союза находилась в полуколониальной зависимости.

Указанное выше дает основания утверждать, что современная российско-украинская война является “отложенной” и, на самом деле, является войной колониальной для Российской Федерации, и войной за независимость для Украины. Как видим, на примере стран-партнеров по российско-советскому колониальному прошлому, такого рода войны изнурительны и не всегда заканчиваются положительными итогами для бывших колоний. Поэтому война, которая ведется на Востоке Украины, является чрезвычайно серьезным внешним вызовом для нашего государства, а если она еще будет сопровождаться внутренними вызовами, то последствия для Украины могут быть катастрофическими.

¹ О причинах и последствиях поражения украинской национальной революции см.: [Чорний, 2009: с. 156–165].

² 6-я Сечевая дивизия УНР под командованием генерал-хорунжего М.Безручко остановила наступление 1-й конной армии С.Буденного под Замостьем. В ходе празднования двадцатилетия восстановления независимости польские власти наградили генерала М.Безручко высшим орденом “Virtuti Militari”, однако он отказался его принять. “Я воевал за Украину, а не за Польшу”, — заявил боевой генерал.

Вот почему внутренние и внешние вызовы и угрозы, вставшие перед Украиной на современном этапе, должны послужить стимулом для формирования адекватных ответов. Это требует целостной концепции модернизации всех сфер жизнедеятельности украинского общества и прежде всего глубокого реформирования военной сферы. Реализация этих требований обуславливает содержание и направленность главных принципов и первоочередных задач модернизации. Прежде всего реформирование должно осуществляться одновременно во всех сферах жизнедеятельности украинского общества. Сердцевиной реформ, как отмечалось выше, должна стать военная сфера, поскольку от хода российско-украинской войны будет зависеть будущее нашего государства. Именно военная реформа (обновленная система комплектования, продуманная конверсия военных кадров, последовательное создание замкнутых циклов производства вооружения и военной техники на собственной промышленной базе и т.п.) должна стать тем локомотивом, который будет содействовать возрождению мощного оборонно-промышленного комплекса, а через него – индустриализации нашего государства. Вместе с тем в результате военной реформы должны появиться и “новая модель Вооруженных Сил Украины”, и новые подходы к российско-украинской войне в целом.

Как свидетельствует общественно-историческая практика, нередко успешное проведение военной реформы оказывалось решающим фактором в судьбе отдельных стран, как это было, например, в Германии в 1859–1861 годах. Здесь военная реформа логически завершила общегосударственный процесс объединения страны в единое целое, “вошла в кровь и плоть народа” [Леер, 1875: с. 9]. Эта реформа не была случайным явлением в жизни немецкого народа, а органически сочеталась с другими общественными преобразованиями. То же самое можно сказать и о Великобритании времен О.Кромвеля, который, создав новую модель армии, силой оружия восстановил целостность и могущество империи [Барг, 1991].

Наряду с этим, как отмечал Н.Макиавелли, главными устоями всех государств — как новых, так и старых — являются “хорошие законы и сильное войско”. Но не может быть, писал он, “хороших законов там, где нет сильного войска, а где есть сильное войско, конечно, будут хорошие законы” [Мак’явеллі, 2007: с. 448]. Поэтому параллельно с военной реформой необходимо проводить реформирование правовой системы, которая сегодня фактически находится в упадке, порождая массовый правовой нигилизм и падение морали.

Другие сферы жизнедеятельности украинского общества тоже будут требовать радикальных преобразований, в частности в политической сфере. С одной стороны, необходимо распространять реальную демократию в противовес псевдо- или квазидемократии, а с другой — увеличение централизации, усиление роли исполнительной власти с одновременным радикальным реформированием законодательной. Указанные преобразования потребуют кардинального пересмотра подходов к форме государства. При этом, скорее всего, придется обратиться к взглядам В.Липинского касательно формы правления в Украине, изложенным в его знаменитых “Листах до братів-хліборобів” [Липинський, 1993].

В социально-экономической сфере необходимо установить социоэкономическое равновесие общества, при котором существуют устойчивое со-

ответствие между экономической и социальной сферами, согласованность интересов отдельных людей с интересами социальных, этнических, религиозных и демографических групп и слоев населения, в частности и с интересами государства (подр. см.: [Чорний, 2011]). Указанный процесс наряду с прочим должен способствовать повышению роли государства, которое в ходе модернизации должно занять надлежащее ему место в политической системе общества (см.: [Михальченко, 2001: с. 138]).

Эти и другие радикальные меры позволяют нашему государству адекватно ответить на современные вызовы и угрозы, одержать победу над коварным врагом и, в конечном счете, построить Великую Украину, о которой мечтали многие поколения борцов за независимость.

Источники

Барг, М. А. (1991). *Великая английская революция в портретах ее деятелей*. Москва: Мысль.

Гессен, С. Я. (1926). *Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва*. Ленинград: Прибой.

Голенков, А. (2010). *Империя СССР: народная сверхдержава*. Москва: Эксмо.

Гьосле, В. (2003). *Практична філософія в сучасному світі*. Київ: Лібра.

Каспрук, В. (2018, 19 лютого). Хто є хто в Україні: сучасний стан нашого суспільства в аналітичному розрізі [Пост у блозі]. Отримано з <https://viktorkaspruk.wordpress.com/2018/02/19>.

Кучма, Л. Д. (2004). *Украина — не Россия*. Москва: Время.

Леер, Г. А. (1871). *Публичные лекции о войне 1870 года между Францией и Германией до Седана включительно*. Санкт-Петербург: Типография товарищества “Общественная польза”.

Липинський, В. (1993). Листи до братів-хліборобів. В М. Ф. Тарасенко, & М. Ю. Русин (Ред.), *Історія філософії України* (сс. 456–465). Київ: Либідь.

Мак'явеллі, Н. (2007). *Флорентійські хроніки; Державець* (2-ге вид.). Харків: Фоліо.

Манусевич, О. Я. (1954). *Нариси з історії Польщі*. Київ: Радянська школа.

Мирский, Г. И. (1989). *Роль армии в политической жизни стран “третьего мира”*. Москва: Наука.

Михальченко, Н. И. (2001). *Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы?* Киев: Институт социологии Национальной академии наук Украины.

Присяжнюк, А. (2011, 4 мая). Виктор Суслов: “Украинские реформы — это пережитки сталинского менталитета”. *Главред*. Отримано з <https://glavred.info/politics/3926-viktor-suslov-ukrainskie-reformy-eto-perezhitki-stalinskogo-mentaliteta.html>.

Рейснер, Л. И., & Симония, Н. А. (Ред.). (1984). *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного*. Москва: Наука.

Ротшильд, Дж. (2001). *Східно-Центральна Європа між двома світовими війнами*. Київ: Мегатайп.

Рябов, С. Г. (1996). *Політологічна теорія держави*. Київ: ТанDEM.

Савченко, В. А. (2006). *Дванадцять війн за Україну*. Харків: Фоліо.

Фукуяма, Ф. (2008, 18 листопада). Нова епоха. *День*. Отримано з <https://day.kyiv.ua/uk/article/svitovi-diskusiyi/nova-epoha>.

Чорна, І. В. (2014). Дигіталізація як одна з тенденцій розвитку медіагалузі. *Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія*, 1, 76–81.

Чорний, В. С. (2006). *Словник-довідник основних понять та категорій з філософсько-методологічних проблем військово-соціального управління*. Київ: Національна академія оборони України.

Чорний, В. С. (2009). *Військова організація України: становлення та перспективи розвитку*. Ніжин: Аспект-Поліграф.

Чорний, В. С. (2011). Особливості розвитку суспільства, або Спроба отримати відповідь на запитання: “Що ми модернізуємо?”. *Віче*, 13, 26–30.

Khan, F. M. (1963). *The story of the Pakistan Army*. Karachi, Pakistan: Oxford University Press.

Матеріал отриман 19.03.2019

References

Barg, M. A. (1991). *The English Revolution and its key figures*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Mysl Press. [= Багр 1991]

Chorna, I. V. (2014). Digitalisation as one of the trends in the media industry development. [In Ukrainian]. *Library Science. Document Management. Information Science*, 1, 76–81. [= Чорна 2004]

Chornyi, V. S. (2006). *Philosophical and methodological issues in military and social resource management: A glossary of basic concepts and categories*. [In Ukrainian]. Kyiv: The NDAU (National Defence Academy of Ukraine) Press. [= Чорний 2006]

Chornyi, V. S. (2009). *Ukraine's military organisation: Coming into being and prospects for development*. [In Ukrainian]. Nizhyn, Ukraine: Aspekt Poligraf Press. [= Чорний 2009]

Chornyi, V. S. (2011). The particularities of society's development, or an Attempt to obtain an answer to the question: “What are we modernising?”. [In Ukrainian]. *Veche*, 13, 26–30. [= Чорний 2009]

Fukuyama, F. (2008, 18 November). A new epoch. [In Ukrainian]. *The Day*. Retrieved from <https://day.kyiv.ua/uk/article/svitovi-diskusiyi/nova-epoha>. [= Фукуяма 2008]

Golenkov, A. (2010). *The USSR as an empire and a public superpower*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Eksmo Press. [= Голенков 2010]

Hessen, S. Ya. (1926). *Limitrophic states: Poland, Finland, Estonia, Latvia and Lithuania*. [In Russian]. Leningrad, USSR: Priboi Press. [= Гессен 1926]

Hцsle, V. (2003). *Praktische Philosophie in der modernen Welt*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Libra Press. [= Гьосле 2003]

Kaspruk, V. (2018, February 19). Who is who in Ukraine: The current state of our society from an analytical standpoint [Blog post]. [In Ukrainian]. Retrieved from <https://viktorkaspruk.wordpress.com/2018/02/19/>. [= Каспрук 2018]

Khan, F. M. (1963). *The story of the Pakistan Army*. Karachi, Pakistan: Oxford University Press.

Kuchma, L. D. (2004). *Ukraine is not Russia*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Vremya Press. [= Кучма 2004]

Laehr, H. A. (1871). *Public lectures on the Franco-German war of 1870 up to the Battle of Sedan*. [In Russian]. Saint Petersburg, Russia: Public Benefit Association Press. [= Лееп 1871]

Lipinski, W. (1993). Letters to fellow grain-growers. [In Ukrainian]. In M. F. Tarasenko, & M. Yu. Rusyn (Eds.), *A history of Ukrainian philosophy* (pp. 456–465). Kyiv, Ukraine: Lybid Press. [= Липинський 1993]

Machiavelli, N. (2007). *Le istorie florentine; Il Principe* (2nd ed.). [In Ukrainian]. Kharkiv, Ukraine: Folio Press. [= Мак'явеллі 2007]

Manusevych, O. Ya. (1954). *Sketches of the history of Poland*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Radians'ka Shkola. [= Манусевич 1954]

Mikhailchenko, N. I. (2001). *Ukrainian society: Transformation, modernisation, or a European limitrophe state?* [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Михальченко 2001]

Mirskii, G. I. (1989). *The military's role in the political life of Third World countries*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Nauka Press. [= Мирский 1989]

Prisiazhniuk, A. (2011, May 4). Viktor Suslov: "Ukrainian reforms are mere remnants of the Stalinist mindset". [In Russian]. *Glavred*. Retrieved from <https://glavred.info/politics/3926-viktor-suslov-ukrainskie-reformy-eto-perezhitki-stalinskogo-mentaliteta.html>. [= Присяжнюк 2011]

Reisner, L. I., & Simonia, N. A. (Eds.). (1984). *The evolution of oriental societies: A synthesis of the traditional and the modern*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Nauka Press. [= Рейснер 1984]

Riabov, S. H. (1996). *The theory of the state from the perspective of political science*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Tandem Press. [= Рябов 1996]

Rothschild, J. (2001). *East Central Europe between the two world wars*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Megatype Press. [= Ротшильд 2001]

Savchenko, V. A. (2006). *Twelve wars for Ukraine*. [In Russian]. Kharkiv, Ukraine: Folio Press. [= Савченко 2006]

Received 19.03.2019

ВИТАЛІЙ ЧОРНИЙ

Українське суспільство на сучасному етапі: виклики та загрози

У статті проведено аналіз внутрішніх і зовнішніх загроз та викликів, що постають перед Україною на сучасному етапі, а також чинників, які негативно впливають на модернізацію українського суспільства, зокрема на реформування його військової сфери. Базуючись на цьому аналізі та враховуючи досвід нових незалежних держав, автор уточнює зміст низки понять, які стосуються статусу українського суспільства та російсько-української війни. Обґрунтовується думка, що стимулом для формування адекватних відповідей на виклики сьогодення є цілісна концепція модернізації всіх сфер життєдіяльності українського суспільства, а серцевиною реформ має стати військова сфера. Військова реформа дасть змогу відродити потужний оборонно-промисловий комплекс, що своєю чергою сприятиме індустріалізації нашої держави. Водночас унаслідок військової реформи має бути створена "нова модель армії" та сформульовані нові підходи до російсько-української війни загалом. Це дасть змогу зберегти суверенітет держави та сприятиме розбудові незалежної України.

Ключові слова: українське суспільство, модернізація, військова реформа, виклик — стимул — відповідь, нова незалежна держава

ВИТАЛИЙ ЧЕРНЫЙ

Украинское общество на современном этапе: вызовы и угрозы

В статье проведен анализ внутренних и внешних угроз и вызовов, с которыми сталкивается Украина на современном этапе, а также факторов, негативно влияющих на модернизацию украинского общества, в частности, на реформирование его военной сферы. Базирываясь на этом анализе и учитывая опыт новых независимых государств, автор уточняет содержание ряда понятий, касающихся статуса украинского общества и украинско-российской войны. Обосновывается мысль о том, что эффективным стимулом для формирования ответов на сегодняшние вызовы является целостная концепция модернизации всех сфер жизнедеятельности украинского общества, а сердцевиной реформ долж-

на статью военная сфера. Военная реформа даст возможность возродить мощный оборонно-промышленный комплекс, что, в свою очередь, будет способствовать индустриализации нашего государства. В то же время в результате военной реформы должна быть создана “новая модель армии” и сформулированы новые подходы к российско-украинской войне в целом. Это позволит сохранить суверенитет государства и будет содействовать дальнейшему построению независимой Украины.

Ключевые слова: украинское общество, модернизация, военная реформа, вызов — стимул — ответ, новое независимое государство

VITALII CHORNYI

Ukrainian society nowadays: challenges and threats

The paper analyses internal and external threats and challenges facing Ukraine at present, as well as factors impeding the modernisation of Ukrainian society in general and reforms in the military sector in particular. On the basis of this analysis and also taking into account the experience of the newly independent states, the author has specified a number of concepts relating to the status of Ukrainian society and the war between Russia and Ukraine. What will be an effective stimulus to working out adequate responses to present-day challenges is an integral conception of modernisation encompassing all areas of Ukrainian society, and the military reform should be at the core of these policies — this is another important idea put forward in the paper. The reformed military sector will enable the revival of the nation’s powerful military-industrial complex, which, in turn, will significantly contribute to the industrialisation of our country. Other outcomes of the military reform should involve creating “a new model of the army” and formulating new approaches to the war between Russia and Ukraine, which is crucial for the maintenance of sovereignty and further building of Ukraine as an independent state.

Keywords: Ukrainian society, modernisation, military reform, challenge — stimulus — response, a newly independent state